

ние от татарского ига) относилась без всякого сочувствия.²⁷ Не принимали в XV в. никакого участия в создании памятников, выражающих идеологию Русского централизованного государства, и иосифляне. Вопреки усвоенным Х. Шедер традиционным воззрениям (58—65), «школа Пафнутия Боровского» (Иосиф Волоцкий и другие «обличители ереси») отнюдь не поддерживала до начала XVI в. сильную великокняжескую власть; об этом писал А. А. Зимин в работе, опубликованной еще в 1953 г., но также не использованной Х. Шедер;²⁸ в настоящее время мы можем говорить о прямых связях Иосифа Волоцкого с удельно-княжеской оппозицией при Иване III. Памятники конца XV в. вышли из среды, враждебной «обличителям». Митрополит Зосима был, по словам Иосифа Волоцкого, «начальником еретиков», такую же роль играл и Федор Курицын. Не менее характерно и то обстоятельство, что первым русским князем, увенчанным «шапкой Мономаха», был сын участницы московского еретического кружка Елены Стефановны, Дмитрий Иванович, коронованный в 1498 г. по приказу своего деда Ивана III. Это первое появление в русской истории Мономаховых регалий, несомненно, должно было обосновываться каким-либо легендарно-политическим сочинением, близким к «Посланию о Мономаховом венце» и «Сказанию о князьях Владимирских».²⁹

Исследования советских ученых, посвященные отдельным памятникам русской публицистики XV—XVI в., позволяют, таким образом, поставить под сомнение не только отдельные положения исследования Х. Шедер, но и всю концепцию, положенную в основу ее книги. Представление об идеологии Московской Руси как о специфической «восточной» идеологии, сложившейся в связи с падением Византийской империи, не выдерживает проверки фактами. Русская публицистика конца XV—начала XVI в. была прежде всего порождением общественной борьбы в период образования Русского централизованного государства.³⁰

²⁷ Д. С. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси, стр. 97, 98; Я. С. Лурье. Первые идеологи московского самодержавия. — Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена, т. 78, 1948, стр. 86, 96.

²⁸ А. А. Зимин. О политической доктрине Иосифа Волоцкого. — ТОДРЛ, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 167—169.

²⁹ Ср.: А. А. Зимин. Рецензия на книгу Р. П. Дмитриевой. — ИА. М., 1956, № 3, стр. 236—237.

³⁰ Это не значит, конечно, что всякое сопоставление политических теорий Русского государства XV—XVI вв. с политическими теориями западного средневековья следует считать бесплодным. Напротив, нам представляется, что, вопреки мнению некоторых авторов (У. Медлин и др.) о специфически «восточном» характере древнерусской теории государственной власти, теория это во многом перекликалась с западными учениями о «Translatio imperii». Особого внимания заслуживает в этом отношении предшественница теории «Москвы — третьего Рима» — теория Зосимы о перенесении в 7000 г. значения древнего «града Константина» на Москву. С окончанием «седьмой тысячи» Зосима связывал не конец мира, а начало нового, «прославленного» богом царства. Эта теория обнаруживает явные черты сходства с популярным на Западе учением о «тысячелетнем царстве мира», выдвинутом Иахимом Флорским и игравшим большую роль в гусизме и других реформационных движениях (ср.: E. Wadstein. Die eschatologische Ideengruppe. — Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie, Jg. 38—39, 1895—1896).